

В. В. Миронов¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ УГРОЗЫ

Начиная с последней трети XX века взрывной характер технологических открытий в области коммуникации, возникновение масштабных коммуникационных систем порождают изменения, которые требуют серьезного анализа. Мир переходит от системы локальных культур, доминировавшей вплоть до начала XX века, к становлению нового образования, которое можно обозначить как «глобальная культура». Необходимо уточнить само понимание культуры, способы ее функционирования, то влияние, которое оказывают эти изменения на все формы общественного сознания, систему ценностей и даже на поведение человека в этих новых культурных условиях.

Для того чтобы проанализировать указанные процессы, следует дать некое рабочее определение понятия культуры, что само по себе является непростой задачей. Существуют два основных подхода в этом вопросе: *атрибутивный* и *структурный*². Для нас важно, что и в том, и в другом подходе культура реализуется как двоякий тип деятельности по созданию материальных и духовных ценностей, которых не было в природе и которые составляют специфику именно разумной человеческой деятельности. Духовные ценности нельзя потрогать руками, но они вполне реальны и значимы для человека и общества. В каком-то смысле это также музейные экспонаты, которые мы признаем в качестве системы общечеловеческих ценностей, таких как Добро, Истина, Красота, Справедливость. Это некие культурные эталоны, из которых мы исходим в своих поступках и по которым мы даем оценку нашей деятельности. Несмотря на их кажущуюся эфемерность, они реализуются в виде норм, принципов, традиций и даже стереотипов поведения. Их отличие от материальных ценностей заключается в том, что они подвержены изменениям, которые, однако, происходят достаточно медленно, выступая для человека некой экзистенциальной константой. В любом случае описанная часть культуры является фактором ее устойчивости, изменения здесь происходят медленно и реализуются как процесс накопления или как процесс сохранения (памяти), если речь идет о духовных ценностях.

В то же время культура приспосабливается к условиям существования и функционирования, вырабатывая некий набор «средств практической адаптации»

¹ Декан философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 60 публикаций, в т. ч.: «Образцы науки в современной культуре и философии», «Философия и метаморфозы культуры», «Университетские лекции по метафизике», «Онтология и теория познания», «Философия» и др. Главный редактор журнала «Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия», член редколлегии журналов: «Вопросы философии», «Вестник Российского философского общества», «Философские науки». Вице-президент Российского философского общества. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

² Здесь мы опираемся на исследование: *Момджян К. Х.* Философия общества // Философия. Учение о бытии, познании и ценности человеческого существования / В. Г. Кузнецов [и др.]. М., 1999.

к социокультурным обстоятельствам. В этом плане она выступает как совокупность «устойчивых воспроизводимых субординационных и координационных связей между символическими программами поведения людей — объективированными в знаковых системах и живых человеческих сознаниях нормами морали и права, философскими мировоззрениями, эстетическими пристрастиями, религиозными верованиями, доминирующими в том или ином человеческом коллективе»³. Это *свойство адаптации культуры к изменяющимся условиям существования является ее цивилизационной характеристикой*. Таким образом, в культуре соединяются противоположные тенденции: стремление к фиксации ценностей и необходимость их цивилизационной адаптации к изменяющимся условиям бытия культуры.

С этой позиции мы можем интерпретировать культуру как семиотическую систему. Поэтому для внешнего наблюдателя она выступает как система закодированных знаков, значений и смыслов, которые часто могут быть понятны только представителю данной культуры, присутствуя в его сознании как культурная память. Такой системой закодированных знаков выступает текст — не только как «генератор новых смыслов, но и конденсатор культурной памяти. Текст обладает способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах. Без этого историческая наука была бы невозможна, так как культура (и шире — картина жизни) предшествующих эпох доходит до нас неизбежно во фрагментах... Сумма контекстов, в которых данный текст приобретает осмысленность и которые определенным образом как бы инкорпорированы в нем, может быть названа памятью текстов»⁴. Таким образом, познание другой культуры осуществляется как познание единой семиотической системы (своеобразного Текста текстов или Текста «с большой буквы») в результате расшифровки ее кодов, то есть закодированных смыслов. Эти явные или неявные смыслы культуры несут на себе печать своего формирования и функционирования в конкретном социокультурном пространстве. С позиции носителя иной культуры эти коды и смыслы могут показаться непонятными и странными, а для представителя собственной культуры они являются естественными жизненными установками, о которых он даже не задумывается. Внутренняя заданность смыслов культуры для ее носителя выполняет функцию блокирования того, что Н. Луман называет «рискованной информацией», которая по тем или иным причинам нежелательна для данной культуры⁵.

Инструментом кодирования памяти культуры выступает реальный язык, с которым необходимым образом связано раскрытие смыслов. Живой язык обяза-

³ *Момджян К. Х.* Указ. соч. С. 377.

⁴ *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 21.

⁵ «Воздействие памяти проявляется во всех операциях общественной системы, а значит — во всех коммуникациях, где она служит для контроля текущей непротиворечивости с оглядкой (im Seitenblick) на известный мир и исключает рискованную информацию как «невероятную» (*Луман Н.* Реальность массмедиа. М., 2005. С. 104).

тельно включает историю своего создания и функционирования¹, чем он отличается от языка искусственного. Искусственная языковая система не представляет проблемы для расшифровки, так как является лишь абстрактной моделью коммуникации, которая «подразумевает не только пользование одним и тем же кодом, но и одинаковый объем памяти у передающего и принимающего...»² Иначе говоря, искусственная система не имеет «культурной» истории, это «структура без памяти», язык которой может обеспечить точность понимания в виде «чистой передачи» структуры, но всегда будет относительно беден. Искусственный язык, даже если он претендует выступать в качестве средства общения (например эсперанто), всегда останется лишь еще одной терминологией, то есть «псевдоязыком» по отношению к живому. У искусственного языка есть внешнее преимущество, его легко перевести и понимать в силу большей однозначности смыслов терминов. Однако слова такого языка «кажутся непроницаемыми, непонятными или, по крайней мере, очень сложными для понимания людям, говорящим на настоящем языке, хотя на первый взгляд они написаны на нем же»³. Познание культуры как системы живого языка, напротив, связано не столько с познанием структуры текста (грамматики языка), сколько с проникновением в его внутреннюю смысловую специфику, основанную на истории и особенностях данной культуры. Иногда необходимость языкового понимания требует реального погружения в другую культуру.

Современная стадия развития нашей цивилизации приводит к трансформации взаимоотношений между средствами коммуникации и текстом. В эпоху рукописной и печатной культуры доминировал текст как таковой, не только формируя соответствующие культурные, психологические особенности его восприятия, но и задавая понимание культуры, связанное прежде всего с понятийной структурой мышления. Абстрактное мышление было одним из оснований модели классической культуры. Сам процесс коммуникации выступал лишь как средство передачи информации без существенного влияния на ее содержание. Сегодня происходит изменение этого статуса коммуникации, когда она из средства превращается в собственное содержание коммуникативного процесса, трансформируя содержание по законам коммуникации. Коммуникация сама по себе становится стержнем современной культуры, подчиняя и формируя особенности восприятия информации, безусловно, оказывая влияние на механизмы смыслообразования. Система массмедиа переходит из состояния некоего фона культурных событий в их творца, заставляя культуру функционировать по законам коммуникации массмедийного смыслового пространства как новой функциональной системы современного общества⁴. В результате совершенно уникальное и стремительное техническое развитие «фоновое знание», каковым ранее только и могла быть система коммуника-

ции, опирающаяся прежде всего на систему печатных средств, превращает его в новую реальность в качестве условия активных коммуникативных действий, позволяя индивиду самореализовываться в ней⁵.

В развитии человеческой культуры схожий процесс происходил в период перехода от устной к письменной и особенно к печатной культуре. Культура устного периода замыкалась в рамках узкого коммуникационного пространства (племени или отдельного народа). Возникшая письменная культура фиксировала содержание посредством создания рукописи, которая выступает субстанциальным средством хранения и распространения информации, что само по себе расширяет пространство коммуникации. Рукопись становится первым прорывом локального характера культуры и условием знакомства культур друг с другом, обеспечивая их смысловое взаимообогащение.

Одним из следствий этих процессов стало упорядочивание понятийной системы за счет внесения в нее некоторых искусственных принципов⁶. Фактор упорядоченности, нацеленный на оптимизацию хранения информации, мог иметь целью как передачу данной смысловой информации другим, так и, напротив, задачу ее сокрытия от других⁷. В любом случае смыслы культуры были закодированными, но был и механизм раскрытия этих кодов, даже без прямого погружения в иную культуру — перевод (расшифровка, раскодирование) смыслов, зафиксированных в письменной форме, на другой язык. Письменность упорядочивала информацию по неким правилам, давая возможность ее сохранения. С другой стороны, она была слишком локализована даже географическим пространством и рассматривалась прежде всего как средство фиксации устной речи.

Культурный взрыв происходит в связи с возникновением книгопечатания, которое приводит к доминированию линейного типа мышления. Удобство книги в качестве носителя информации значительно экономит время поиска информации, что оказывает влияние на характер образования, в основе которого в большей степени лежит принцип выработки умения находить нужный материал. Об этом печалился Сократ, выступая против фиксации мыслей даже в письменной форме, так как, по его мнению, это приводило не к обладанию знанием или мудростью, а к манипулированию знанием других⁸. Действительно, в чем-то Сократ оказался прав,

⁵ «Поскольку массмедиа порождают некую фоновую реальность, способную стать отправной точкой, то от нее можно и оторваться, выделиться на ее фоне своими личными мнениями, прогнозами, предпочтениями и т. д.» (Луман Н. Указ. соч. С. 104).

⁶ Создание и внедрение искусственного в природное является, как мы отмечали в начале статьи, признаком процесса окультуривания.

⁷ Это блестяще описывает Умберто Эко в романе «Имя Розы», показывая, что библиотека является не только местом хранения книг для чтения другими, но и местом сокрытия их от непосвященных. В частности, это касалось очень многих философских трудов Античности, которые «распространялись» весьма дозированно.

⁸ См.: Платон. Федр / пер. А. Н. Егунова; под ред. Ю. А. Шичалина. М., 1989. С. 64–65. Сократ здесь подмечает действительное обстоятельство развития письменной, а затем печатной, да и вообще всякой культуры, основанной на фиксации речи. В них важную роль начинает играть форма сохранения смысла (от письменной до нынешней, электронной).

¹ «Язык — это код плюс его история» (Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 13).

² Там же.

³ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1991. С. 338.

⁴ См.: Луман Н. Указ. соч. С. 18.

ибо фиксирование мыслей приводит к их подчинению искусственным правилам языка. Человек начинает мыслить грамматическими формами, трансформируя по законам грамматики окружающее нас бытие¹.

Возникает еще одно противоречие. Книгопечатание выводит устную культуру за горизонты фонетического и пространственного ограничения, но одновременно порождает ее замыкание в пределах национального языка. Культура, по выражению Ю. М. Лотмана, кодируется языком, то есть становится семиотически замкнутой. В результате описанных процессов в силу множественности живых языков мы наблюдаем своеобразное «столкновение» этих замкнутых локальных культур, реализующееся в напластовании информации и смыслов. При этом происходит напластование информации «горизонтальной», связанной с расшифровкой кодов современной культуры, и информации «вертикальной», связанной с ее исторической интерпретацией, то есть переводом на современный язык исторически ушедших от нас смыслов. Это неизбежно приводит к опасности «модернизации» смыслов через внесение в них нового содержания, но одновременно вырабатывается идеальный пласт того, что мы обозначаем как историческую память, обеспечивающую коммуникацию поколений. Связывая между собой людей и общество как по горизонтальной (диахронической) составляющей, так и по исторической вертикали, культура обеспечивает память человечества в целом.

В результате человеческая культура предстает перед нами как некое целое, состоящее из подсистем локальных культур. Признак локальности выступает доминирующим для периода классической культуры. Это позволяет выделить некоторые особенности данного типа культуры и проанализировать те трансформации, которые происходят в ней в результате изменения системы коммуникационного пространства в современном мире.

Локальность классической культуры проявлялась в том, что для человека, находящегося внутри нее, она представляла собой почти застывшую систему. Изменения, происходившие в ней, обнаружить было практически невозможно, так как они выходили за рамки

¹ Фонетический алфавит, законы грамматики оказывают влияние «на формы опыта, мировоззрение и самовыражение» (*Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры / пер. с англ. А. Юдина. Киев, 2004. С. 4*). Можно по «обратной аналогии» проиллюстрировать это на примере того, как нынешняя виртуальная коммуникационная культура влияет на технологии образовательного процесса. Проявляется это в моде на презентации вместо классического чтения лекций. Это не просто реакция на возможность использования технических достижений. Человек начинает прибегать к электронным средствам информации очень рано, фактически на стадии формирования устной речи, грамотности. Такое раннее приобщение способствует закреплению восприятия визуальных образов. И если ранее от них переходили к элементам абстрактного мышления, то сегодня образ (картинка) остается фактически главным средством коммуникации, первичном по отношению к словам и буквам. Человек часто с трудом воспринимает смыслы, выраженные не визуальным способом. В результате не ученик подтягивается к знанию, а преподаватель (как носитель знания) адаптируется под возможности ученика. «Наше время — это ранняя стадия эпохи, для которой печатная культура становится такой же чуждой по своему смыслу, какой рукописная культура была чужда восемнадцатому столетию... Мы первобытные люди новой культуры» (*Маклюэн М. Указ. соч. С. 201–202*).

индивидуальной жизни. Ядро такой культуры на протяжении столетий оставалось неизменным, его основное содержание передавалось от поколения к поколению. Именно эта консервативность и элитарность определяли лицо классической культуры. Оценить изменения можно было лишь «извне» и, как правило, лишь по прошествии длительного времени. Такая культура была основана на эволюционной адаптации новообразований, претендующих на статус культурных ценностей, что обеспечивало ее стабильность за счет безболезненного приспособления к себе новых компонентов и их постепенной модификации.

В основе адаптивного механизма лежало структурное распадение культуры на два больших компонента. На это в свое время обратил внимание М. М. Бахтин, анализируя так называемую «смеховую культуру» периода Средневековья и Ренессанса. «Низовая» часть культуры вбирала в себя стереотипы, традиции и нормы жизни, характерные для большинства людей в их повседневной жизни, была близка конкретному человеку. *Высокая культура* вырабатывала продукты, далеко отстоящие от стандартных жизненных стереотипов и представлений, была удалена от реальности, представляя собой идеальный культурный пласт. Эта верхняя, рафинированная часть культуры постепенно оформляется в истории человеческой цивилизации как Культура «с большой буквы». Она принципиально удалена от повседневности, даже от конкретной личности. Она требует определенной подготовки при ее восприятии, определенной формы организации пространства для репродукции своих образцов. Ценности «верхней» Культуры именно за счет того, что они приняли рафинированную форму, охраняют себя от влияний извне. Эта идеализированная часть культуры стабильна, настороженно относится ко всяким изменениям, но именно она обеспечивает базис общечеловеческой культуры. Таким образом, культура представляла собой образование, содержащее противоречивые стороны в виде наличия массового и элитарного векторов, находящихся в относительном единстве².

Для локальной культуры характерными являются свойства и смысловые дихотомии³, некоторые из которых мы рассмотрим в качестве примера, так как именно они подвергаются трансформации в современной культуре.

Дихотомия «прикровенность–откровенность» была связана с представлением о том, что некоторые явления и формы поведения, несмотря на то что они присутствуют в реальной жизни, должны быть сокры-

² Г. С. Кнабе отмечает: «Как характеристика человеческого общества, культура обусловлена фундаментальным свойством этого общества — диалектическим противоречием отдельного, индивидуального, личного — словом, человека, и родового, коллективного, совокупного — словом, общественного целого... Культура как форма общественного сознания отражает это двуединство общества — всегда состоящего из индивидов, самовоспроизводящих себя в процессе повседневной практики, и из норм и представлений, основанных на обобщении этой практики и регулирующих поведение этих индивидов в процессе той же практики» (*Кнабе Г. С. Двуединство культуры // Кнабе Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1993. С. 17*).

³ В целой серии работ их блестяще анализировал Георгий Степанович Кнабе.

ты для человека, что реализовалось в соответствующем культурном стереотипе поведения¹. Конструируется своеобразная периферийная зона бытия — его изнанка, которая присутствует в жизни людей, но о которой не принято рассуждать, она требует смыслового прикрытия. Это доходило до абсурда, который в гротескной форме описал Н. В. Гоголь, зафиксировав внутрикультурную оппозицию между обыденностью, бытом, простотой поведения, отраженного в языке нормального человека, и семантическим его инвариантом, якобы отражающим существование человека в «высокой» культуре².

Дихотомия «свой–чужой» отражала ситуацию замкнутости и самодостаточности локальной культуры, которая часто проявлялась в ее противопоставлении (иногда достаточно жестком) иным культурам. Каждая из культур вырабатывала в себе мощнейший каркас, некий «иммунитет» к «чужому». Соответственно мое (внутрикультурное) рассматривалось как истинное, как ценное для меня. Чужое, напротив, — как отрицание моего, а значит ложное (и даже враждебное)³. Усиление напряжения данной дихотомии в процессе формирования локальной культуры было значительно закреплено возникновением книгопечатания, которое оформило национальный характер культур соответствующей совокупностью текстов и фиксированных смыслов, как бы замкнув их в национальном языке. Именно поэтому, как мы увидим ниже, первый и наиболее мощный удар процесса глобализации наносится именно по национальному языку.

Книгопечатание, как мы отмечали, породило и еще одно свойство локальной культуры — *линейность интерпретации мира*. Линейность как принцип выстраивания смысла письменной речи надолго становится культурным эталоном самовыражения, которому следовало подражать. Именно в этом качестве он закрепляется как один из основных признаков классической культуры⁴. Проявляется это в том, что человек начинает выстраивать свое мышление линейным образом, в том числе преобразуя нелинейные типы коммуникации, подчиняя их правилам письменного языка, вовсе не вытекающего из естественного характера устной

¹ Запретные книги для чтения в определенном возрасте, запретные темы, запретные помещения, запретные языковые выражения и пр.

² «Дамы города N были то, что называют презентабельны. Никогда не говорили они: “я высморкалась”, “я вспотела”, “я плюнула”, а говорили: “я облегчила себе нос”, “я обошлась посредством платка”. Ни в коем случае нельзя было сказать: “этот стакан или эта тарелка воняет”. И даже нельзя было сказать ничего такого, что подало бы намек на это, а говорили вместо того: “этот стакан нехорошо ведет себя...”» (Гоголь Н. В. Мертвые души // Гоголь Н. В. Повести. Пьесы. Мертвые души. М., 1975. С. 439).

³ Можно, наверное, в связи с этим сказать, что тезис о единой общечеловеческой культуре весьма относителен.

⁴ Линейность порождалась письменной речью еще до книгопечатания, однако в силу малой распространенности это свойство еще не могло носить массового характера. В древнем и средневековом мире «внутреннее проговаривание само собой считалось неотделимым от горизонтального слежения за словами на странице» (Маклюэн М. Указ. соч. С. 66). «В средние века, как и в античности, читали не так, как сегодня (т. е. в основном глазами), а губами, произнося видимые глазом буквы, и ушами, прислушиваясь к произносимым словам, т. е. к тому, что называется “голосами страниц”. Это было именно акустическое чтение...» (Там же. С. 134).

речи. Представим себе беседу, которая осуществляется между двумя-тремя собеседниками, течение которой сопровождается массой внешних факторов. Например, в разгар беседы скрипит дверь, и мы реагируем на это восклицаниями, или нам приносят закуску и мы, отвлекшись от беседы (нарушив линейность), обсуждаем ее качество, а также внешность девушки, которая ее принесла. Эти «отвлечения» — неотъемлемая часть беседы. Но как только мы попытаемся все это зафиксировать на бумаге, мы будем вынуждены проинтерпретировать все действие линейным образом по соответствующим правилам. Тогда момент принесения закуска или скрипа двери окажется в скобках, как в пьесах. Обсуждение внешности девушки вообще может оказаться незафиксированным. Мы не вдумываемся порой, что и двери по их отражению в передаваемых словах романов скрипят по-разному, и мяуканье кошек различается. Линейное отношение к миру проникает на все уровни сознания, становясь «основой для организации всех других видов деятельности»⁵. Происходит закрепление систематического линейного мировоззрения как способа объяснения всего линейной и замкнутой структурой, в качестве каковой выступает и весь мир в целом, от законов классической физики до линейной концепции формаций у К. Маркса.

Это становится важнейшим признаком классической культуры, который реализуется в принципе *завершенности*. Культурное творчество здесь направлено на создание завершенных объектов, будь то произведение музыки, архитектуры или философии. Во всех случаях перед нами завершенное произведение, в котором структура продумана от начала до конца. Литературный текст выступал как эталон текста вообще, некий завершенный смысл. Письменность закодировала живую культуру (или ее часть), живую коммуникацию, которую можно понять, лишь зная эти коды (алфавит и грамматику). Неграмотный человек оказывается вне культуры, а поэтому и изначальным признаком культурности выступает *грамотность*.

Диалог между локальными культурами реализовывался внутри особого коммуникационного пространства, который Ю. М. Лотман обозначил как «семиосфера» (по аналогии с биосферой), в которой роль «живого» элемента выполняет язык или, точнее, языки с их различающимися смыслами и разнообразием социокультурных форм функционирования⁶. Культуры пересекались между собой как языковые множества. Область пересечения в редких случаях могла быть большой (гипотетично даже тождественной), но в основном незначительной, чему соответствовало и пересечение смыслов культур. Область тождества выполняла функцию проникновения в область нетождественного, а потому нетривиального и интересного. «Ценность диалога оказывается связанной не с той пересекающейся частью, а с передачей информации между непересекающимися частями. Это ставит нас лицом к лицу с неразрешимым противоречием: мы заинтересованы в общении именно с той ситуацией, которая затрудняет общение, а в пределе делает его невозможным»⁷.

⁵ См.: Маклюэн М. Указ. соч. С. 207.

⁶ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. С. 194.

⁷ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. С. 15.

Именно неизвестное (область непересекаемого) требовала раскрытия и адаптации культур друг к другу. Желание и необходимость понимания увеличивали область смыслового пересечения, но этому препятствовало «напряжение», возникающее в процессе диалога культур, связанное с тенденцией самосохранения внутренних смыслов культуры. Познание области несовпадения (изначального непонимания) культур обогащает их новыми смыслами и новыми ценностями, хотя и затрудняет сам факт общения.

Мощные интеграционные процессы глобализации оказывают влияние на изменение характера диалога между культурами, на структурообразующие компоненты всей системы культуры. Объективность процесса глобализации, повышение комфортности существования человека часто скрывают негативные следствия, сопряженные с этим. Если одной стороной глобализации выступают интеграционные процессы, то обратной стороной — процессы дезинтеграции, в частности, процессы «национальной дезинтеграции»¹, которые разрушающе воздействуют на культурные, политические, экономические и даже личностные особенности человека. Глобализация подталкивает мир к процессам интеграционного типа, но при этом не всегда понимается, что она может как носить синтетический характер, основанный на соединении положительных компонентов систем, так и быть реализована как тип интеграции, подавляющий особенности систем. Глобальная интеграция может реализоваться в системном тоталитаризме нового типа с совершенно уникальными возможностями манипуляции сознанием (благодаря новейшим средствам коммуникации) как отдельного человека, так и общества в целом, при внешней видимости демократического устройства².

Изменение средств коммуникации и возникновение глобального коммуникационного пространства трансформирует человеческую культуру. Трансформация здесь означает не просто изменение через эволюционную смену отдельных элементов системы, а изменение самой сущности системы, то есть ее переход в иное качество. Это направленный внутренний процесс изменения, который, в отличие, например, от революции, в большей степени сокрыт от наблюдателя, ибо реализуется за счет встраивания в нее чужеродных элементов, внешне не разрушающих саму систему, но постепенно заставляющих ее работать иным образом. Трансформация, происходящая с культурой, аналогична процессу трансфекции клетки, когда в нее встраивается фрагмент чужеродной ДНК. В этом случае клетка инфицируется, в результате чего запускается механизм ее трансформации, приводящей на генетическом уровне к изменению фенотипа. Во многом этот процесс в жи-

вых организмах трудно контролируем, что порождает непредсказуемые последствия (мутации). При этом условием трансфекции выступает внешнее электрическое поле (электропорация). В ряде случаев оно может заставить клетку саму бороться с наследственными болезнями.

Трансформация культуры — это схожий процесс привнесения в нее «культурной инфекции» в качестве чужеродной составляющей, которая аналогично описанному процессу может запустить механизм ее модификации изнутри. При этом глобальное коммуникационное пространство является средством (информационным пространством) инфицирования культуры. Через коммуникационное пространство, в которое погружены все культуры, они в буквальном смысле атакуются «медиавирусами»³. Наибольший эффект достигается, как и в случае с живыми организмами, в тех местах, где ослаблен иммунитет системы, то есть ее «культурный иммунитет». Культура получает инфекционное заражение через насаждение в нее культурных стереотипов, которые не вытекают из ее истории и особенностей функционирования. Впитывание порций однотипных культурных инфекций способно модифицировать всю человеческую культуру⁴.

В результате диалог между культурами начинает осуществляться в иных семиотических условиях, чем это происходило ранее. Диалоговое пространство, определяемое новейшими возможностями и средствами коммуникации как условие адаптации культур, расширяется безгранично. Значительно упрощается сам характер общения, который осуществляется по законам и стереотипам, далеко отстоящим от сущности и традиций самих культур. Коммуникация превращается в самостоятельную субстанциональную структуру, а отдельные культуры оказываются внутри этой агрессивной среды. Совокупность информационных средств, умноженная на новейшие технологии и массмедийные конструкции, превращает пространство семиосферы как условия адаптивно-адаптирующего диалога культур в инфосферу как особую реальность, в определенном смысле функционирующую независимо от человека, но делающую его и мир зависимым от нее. Столь мощных процессов в изменении форм коммуникации в истории человеческого общества не было. Даже книгопечатание при всей его революционности не создавало кардинально нового качества. Его распространение было относительно медленным, адаптирующимся к культуре эволюционным образом. Нынешняя массмедийная составляющая общества развивается столь мощно и стремительно, что вступает в противоречие с основами классической культуры, что заставляет вновь говорить о кризисе культуры.

¹ См.: Панарин А. С. Глобализация как вызов жизненному миру // Вестник Российской академии наук. 2004. Т. 74, № 7.

² Становление глобальной мировой системы культуры, разрушая классическую систему цивилизации как совокупности локальных культур, базируясь на использовании новейших информационных технологий и открывающихся коммуникационных возможностей, может реализовываться как наднациональное управление миром и вернуть нас на новой ступени к некой Глобальной Империи, что будет связано с возможностью тотального контроля над личностью (См.: Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004).

³ См.: Раишкова Д. Медиавирус. М., 2003.

⁴ Когда мы часто для обозначения этих процессов используем термин «американизация», это не является следствием негативной оценки самих США, а просто отражает факт, что именно та страна, которая доминирует в научно-техническом отношении, в том числе и в сфере информационных технологий, может быть своеобразным культурным донором, распространяющим медиавирусы на все пространство современной культуры. Уже сегодня мы с горечью замечаем, что наши дети гораздо лучше героев русских сказок знают, кто такой Микки-Маус.

Действительно, происходит разрушение выделенных выше культурных дихотомий. В рамках современной культуры *дихотомия «прикровенность–откровенность» исчезает* и то, что раньше считалось необходимым скрывать, переходит в свою противоположность, становясь открытым и доступным. Принцип открытости в современном общении между людьми, так наглядно демонстрирующийся в знаменитой американской улыбке, реализуется и в более сложных феноменах. «Запретные» в рамках старой культуры взаимоотношения между людьми становятся модными и популярными, являясь основой соответствующего вседозволенного поведения. В обществе происходит сексуальная революция, которая выводит традиционно прикрытые взаимоотношения между людьми и переживания этих взаимоотношений в культурных образах за рамки индивидуальной интимности. Поэтому в рамках расширения сферы получения удовольствий огромное место занимает «эротизация культуры» как проявление высшей свободы выбора индивидуального удовольствия. Ранее термин «интимность» семантически закреплял прикрытость отношений между людьми, определяя рамки и условия обсуждения и демонстрации. Сегодня понятие «интимность» сопряжено с фактом публичного раскрытия запретного, причем на широкую аудиторию. Сам объект этой демонстрации в культуре всегда присутствовал, и цивилизация не привнесла ничего особенно нового, например, в систему сексуальных взаимодействий, кроме, может быть, некоторых технических средств. Однако если ранее это было объектом одновременного восприятия небольшого количества людей, то теперь это одновременно могут переживать миллионы. Не случайно Ю. М. Лотман оценивал сексуальную революцию как наиболее мощный таран антикультуры XX столетия¹.

Наносится удар по принципу завершенности, который господствовал в классической культуре, уступая место клиповому сознанию, основанному на поверхностном восприятии фрагментов реальности. Целостность мира дефрагментируется, и человек внешне свободно может складывать самостоятельную картинку из воспринятых фрагментов действительности. Однако это сопряжено с потерей выявления сущностного и истинного характера явлений. Проблема истины как отражения сущностных характеристик объекта уступает место свободной интерпретации.

В мире господствуют интегративные языковые тенденции. Один из результатов этого — подчинение всех языков тому, который в наибольшей степени способен себя распространить в силу политических, научно-технических и других условий. Это способствует расширению «псевдокультурного» поля общения, диалог в котором осуществляется по принципу познания наиболее доступных, совпадающих или почти совпадающих смысловых структур, то есть наименее содержательной, если можно так сказать, наименее культурной части культуры. В этом коммуникационном поле господствуют общие стереотипы, общие оценки, общие параметры требуемого поведения, общедоступ-

ные, то есть наиболее простые компоненты. Безусловно, это сопряжено с массой удобств, но одновременно может лишить диалог между культурами всякого смысла. Мы можем понять любого человека в любой точке Земли, но на уровне совпадения или даже тождественности смыслов. Это становится общением ради общения. Общение без насыщения смыслами. Общение со своим зеркальным отображением по заданным стереотипам коммуникации.

Происходит резкое увеличение образований, претендующих на статус культурных. Старая система ценностей подвергается мощнейшему давлению и разрушению, а временные рамки адаптации не позволяют новым символам адаптироваться к традиционной смысловой системе ценностей. Разрушаются традиции, которые господствовали веками. Новые ценности настолько расходятся с традиционными, что их культурообразующий смысл остается не всегда ясным. Это положение усугубляется тем, что мыслители, которые дают оценку сегодняшней ситуации в культуре, часто являются носителями традиционной системы ценностей, в которой они формировались как личности. Подняться над этим личностным образованием очень трудно и для многих мыслителей просто невозможно. Это порождает пессимистические настроения. Возрастает количество людей, воспринимающих культурные образования, но оно лишается той утонченности и глубины, той степени подготовки, которой требовало ранее.

Нарушается пропорция между высокой и низкой культурой. Последняя становится массовой не только по количеству вовлеченных в нее субъектов, но и по упрощенному качеству потребляемого продукта. В результате доминирующим фактором оказывается не смысл или качество продукта творчества, а система его распространения (тиражирования). В этом смысле массовая культура — это типично низовая культура, но значительно усиленная новейшими средствами аудиовизуального репродуцирования.

В этих условиях возникает феномен «поп-культуры» как доминирование низовой культуры, ставшей массовой по характеру своего производства и потребления, продукты которой широко распространяются благодаря современным средствам коммуникации. В этом смысле поп-культура противостоит не только высокой (элитарной) культуре, как низовая народная культура, но культуре в целом, представляя собой контркультурное явление. Это симуляция культуры, подменяющая собой культуру как таковую. Она не имеет своих национальных корней, даже если сопряжена с языком своей культуры. Главным отличием поп-культуры является изменение характера производства и потребления ее образцов, для которых важнейшими факторами становятся массовость и оперативность распространения. Это, в свою очередь, порождает бесконечное приумножение сферы удовольствий и развлечений. Современное общество становится фабрикой развлечений, продукты которой потребляет все общество. Не случайно сам термин «фабрика», например «фабрика звезд», используется почти в прямом значении, то есть как унифицированное массовое производство звезд, что,

¹ См.: Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994. С. 8.

по сути, противоположно понятию «звезда» как проявлению уникальности.

Особенностями поп-культуры являются чрезвычайная *агрессивность* и всеядность, проявляющиеся в том, что тиражированию (и моде) может быть подвержено все, в том числе и образцы высокого искусства. Поп-культура «вырвалась» из системы культуры, став ее превращенной формой, то есть симуляцией культуры. Условием развития поп-культуры является постоянная раскрутка в медиaprостранстве, охватывающем не только развлекательную сферу, но и все сферы бытия человека. Например, «законы раскрутки» в виде проектов от политических до индивидуальных становятся обязательной нормой, часто прикрывающей их содержательную бедность. Поп-культура — это самовыражение современной массовой культуры и типичный продукт глобального информационного пространства. Она принципиально отстранена от фундаментальных этнических, религиозных оснований и традиций. Ее условием является интегрированная информационная среда, а реализацией — массовые действия, которые мы нынче обозначаем как шоу.

Поп-культура — прекрасная среда для распространения медиавирусов¹. Принципом их распространения является узнаваемость в медиaprостранстве, на чем и базируется вся поп-культура, будь то узнаваемость поп-звезд или поп-лидеров политики. Важным признаком поп-культуры является неотделимость репродуцируемых произведений от воспринимающей его массовой среды и самих средств технической репродукции. Исполняющий поп-музыку и слушающий ее — это одно целое, их невозможно представить друг без друга. В шоу господствует не индивидуальное, то есть отличное от другого творчество, а принцип соучастия. Участие само по себе становится формой коммуникации без необходимости какого-то понимания другого или передачи какого-то смысла. Поэтому и знание языка здесь практически не нужно или сведено к минимуму.

Влияние поп-культуры на общество именно благодаря новейшим средствам коммуникации и возможностям аудиовизуальных средств безгранично и проникает во все уровни общественного сознания. «Поп-музыка перевела религиозные, а именно христианские, формы причащения в архаическую плоскость и превзошла те возможности поглощения, которые предлагаются подле алтарей, рекомендуя публике припасть к психоакустическим телесным полостям и тем самым словно присоединиться к шествию современных “звуковых богов”»². Поп-шоу опирается на активное поведение и взаимодействие массы, сиюминутно учитывая ее реакцию. Исполнитель воспринимается слушателями как часть их самих, и они требуют от него соответствующего их настроению поведения, а не элитарной отстраненности. Поскольку бесконечное шоу поп-культуры пронизывает жизнь каждого человека, то оно не ограничивается только традиционными средствами развлечения, а превращает в развлечение всю окружающую действительность. Человек буквально во всем ищет зрелищности, а средства массмедиа помогают ее

представить в соответствующей яркой форме. Реальная жизнь подменяется бесконечными реалии-шоу как примером высшей степени симуляции, которая не так безобидна, ибо вырабатывает в человеке однотипные, а значит, легко манипулируемые стереотипы поведения. Это может представлять определенную опасность для общества, когда агрессивность по любому поводу может выплеснуться на улицы и носить массовый характер просто из-за реализации сознания (вируса) соучастия, как в карнавале. Представляется, что многие события такого типа последних лет, имея, безусловно, поводы политического характера, в большей степени детерминированы именно изменениями в самой культуре. Несмотря на их опасность и серьезность, они очень напоминают карнавалы шествия Средневековья.

Мы начинаем погружаться в «реальность», которая конструируется массмедиа, и современный мир превращается в большое поп-шоу и работает по законам данного жанра. В каком-то смысле происходит погружение общества в современный средневековый карнавал, который вошел в нашу жизнь в условиях иной информационной среды. Низовая культура становится официально признаваемой как ее превращенная форма, и ее представители удостоиваются высоких званий и наград, становятся героями. Блестящим условиям для нарастания и закрепления карнавала становится Интернет. Общение в Интернете — это виртуальное карнавальное шествие со всей его атрибутикой. Вместо собеседников — маски, которые позволяют говорить все что угодно, включая оскорбления и пр. Интернет переводит реальную жизнь в виртуальный карнавал, значительно продлевая время его действия. Бесконечное шоу поп-культуры пронизывает жизнь каждого человека, превращая в развлечение всю окружающую действительность. Человек буквально во всем ищет зрелищности, а средства массмедиа помогают их представить в соответствующей яркой форме. Не случайно наиболее яркие шоу реализуются в политике, ибо она в большей степени, чем какая-нибудь иная деятельность, напрямую зависит от популярности того или иного лидера.

Диспропорция, сложившаяся в культуре, не безобидна, особенно если она принимает затянувшийся характер и люди, родившиеся в ней, уже не знают иной культуры. Альтернативное состояние современной культуры чревато агрессивностью по отношению к иным формам проявления культуры. Устойчивый и длительный характер такой альтернативности приводит к вырыванию из культуры фундаментальных основ в виде системы общечеловеческих ценностей и интересов. Таким образом, для описанного состояния культуры характерны все признаки «низовой» культуры, в центре которой стоит так или иначе понимаемая повседневность, ставшая наивысшей культурной ценностью (Г. С. Кнабе).

Массовая культура и шоу пронизывают все уровни сознания общества, в том числе и науку, формируя ее образ, адаптируя информацию по законам массовой коммуникации до неузнаваемости, но зато делая ее удобной для массового потребления. Это проявляется, например, в росте числа фальсификации науч-

¹ См.: Рашкофф Д. Указ. соч. С. 15.

² Слотердаик П. Сферы. Микросферология. СПб., 2005. Т. 1: Пузыри. С. 541–542.

ных открытий. Имитация научной деятельности хорошо финансируется различными премиями и грантами и постепенно деформирует сознание человека, занимающегося наукой, который понимает, что имитация проще и надежнее приводит к популярности, а значит, к возможности финансирования научных исследований, если они таковыми остаются¹. Скандал и сенсация становятся факторами, сопровождающими научную деятельность. Таким образом, мы наблюдаем процесс того, как поп-культура модифицирует образ науки. Как есть поп-звезды эстрады или религии, справедливо отмечает Симон Кардонский, возникают и поп-ученые с полным набором атрибутики поп-звезд. «Мнения поп-ученых, иногда обоснованные их научными результатами, но чаще всего не обоснованные, стали весьма ходким рекламным товаром... Оказалось, что вкладывать деньги в персонализированную научную рекламу и научные страшилки гораздо эффективнее, чем в получение нового знания»².

Философия — это самосознание культуры, отражающее конкретно-историческую стадию развития общества. Ее содержание не может не зависеть от новых условий, связанных с господством массовой культуры. Вследствие этого неизбежно возникают популярные образы философии, адаптированные для восприятия массовым сознанием. Далее, как это часто бывает в культуре, происходит метаморфоза (смысловое «оборачивание»), и превращенные образы становятся предметом «серьезного» профессионального философского интереса в виде, например, философии Симпсона или философии доктора Хауса³. Грань между реально философским содержанием и его имитацией исчезает.

Постмодерн в культуре породил соответствующие имитирующие формы философии, в рамках которой центральным стержнем выступает критическое отношение к рациональному мышлению и, кстати говоря, к завершеному тексту как выражению классической культуры. Не случайно «главным врагом» постмодернизма становится метафизика с ее принципами рационального объяснения бытия. Отсюда вытекает критика метафизического языка как языка философии⁴. Понимание языка из средства понятийного анализа объек-

тов трансформируется в некое демоническое начало, навязывающее структуру объектам и бытию в целом. Происходит абсолютизация методов деконструктивного разрушения, и деконструкция сама по себе помещается в центр философской рефлексии. Предлагается «языковое» прочтение философских проблем, основанное на возможности бесконечного расшатывания, устоявшихся языковых стереотипах и поиске новых смыслов и значений. Фактически язык анализируется не как средство понятийного анализа объектов, а как своеобразное демоническое начало, которое навязывает структуру объектам и бытию в целом.

Постмодернизм оказался формой философии, развитии которой удивительным образом совпало с процессами изменений в сфере коммуникации. В виртуальном пространстве Интернета стала возможной «смерть автора», ибо исчезает всякая ответственность за сообщение и возникает соблазн мистификаций⁵. Реализуется идея гипертекста, позволяющего ассоциативно и бесконечно перескакивать от одного фрагмента к другому, без необходимости осуществлять смысловое связывание получаемой информации⁶. Это обеспечило популярность постмодернизма, так как он оказался на стыке тектонических сдвигов, происходящих в человеческой культуре, отразив умонастроение эпохи постмодерна, в которой человек устал читать толстые тексты, будь то образцы литературы или философии, он объективно не имеет для этого времени, заполненного поглощением информационных клипов. Постмодернизм опирается на фрагментарность и клиповость массового сознания современного человека, фиксируя сиюминутный событийный момент, не утруждая себя вопросами о сущности происходящих событий. При всей его внутренней рафинированной сложности он выражает господство обыденного сознания и ценностей повседневности. Однако, отражая нарастание степени внутренней свободы людей, не желающих опираться на готовые рефлексивные схемы, он не дает ответа о степени ответственности, которая может наступить после переживания пьянящего чувства свободы.

За свободой мышления могут стоять банальность и упрощения, которые доминируют в современной культуре⁷. Конечно, философия выступает как реализа-

¹ В августе 2009 года в Германии был опубликован материал о расследовании более 100 диссертаций, авторам которых «помогали» в их написании, причем в таких науках, как медицина, юриспруденция, экономика и инженерные науки. Цена услуг доходила до 20 тыс. евро за диссертацию. Отмечено, что торговля диссертациями имеет место в Восточной Европе, США, некоторых центрально- или южноамериканских странах. (См.: Verdacht auf verschachtelte Dokortitel. Staatsanwaltschaft ermittelt gegen hundert Professoren. URL: <http://www.spiegel.de/unispiegel/studium/0,1518,644397,00.html>; Akademische Titel. CDU-Politiker soll falscher Doktor sein. URL: <http://www.spiegel.de/unispiegel/jobundberuf/0,1518,637812,00.html>)

² Кардонский С. Кризисы науки и научная мифология // Отечественные записки. URL: http://www.strana-oz.ru/numbers/2002_07/2002_07

³ См.: Миронов В. В. Философия и метаморфозы культуры. М., 2005.

⁴ Постмодернизм отразил «поворот к языку», который недоучитывался классической философией. Но если в 1920-е гг. на первый план вышел «предметно-объектный уровень исследования языка», то особенностью постмодернизма в том, что он осуществляет «рефлексию над самими приемами анализа объектов» (Грязнов А. Ф. Постмодерн взбудрил аналитическую философию. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/19-99-08/19-99-80-3.htm>).

⁵ «Несоответствие между, с одной стороны, информационной мощью системы, способной донести ваше высказывание до миллионов персональных компьютеров во всех уголках земного шара, а с другой — никем не контролируемой степенью вашей компетентности, подготовленности, морального и интеллектуального права высказываться по обсуждаемому вопросу, создает у участника интернетовского общения чувство игровой легкости. Возникает соблазн и возможности в любой момент соскользнуть в несерьезность и иронию, столь полно соответствующие атмосфере постмодерна...» (Кнабе Г. Принцип индивидуальности, постмодерн и альтернативный ему образ философии // Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/edu/99-05-24/knabe.htm>).

⁶ «Он допускает возможность множественности авторов, размывание функций автора и читателя, расширенные работы с нечеткими границами и множественность путей чтения...» (Вишель М. Гипертексты по ту и эту стороны экрана // Иностранная литература. Электронная версия журнала. 1999. № 10. URL: <http://novosti.online.ru/magazine/inostran/n10-99/visel.htm>).

⁷ Не знаю, насколько необходимо обсуждать, например, проблему такого «культурного феномена», как «дерьмо» или «пуканье», представляющего собой «некий звук, который всегда что-то означает в социальных ситуациях», и глубокомысленный вывод автора о том, что «семантика пуканья представляет собой весьма сложную проблему» (Слотердайт П. Критика цинического разума. Екатеринбург, 2001. С. 181).

ция творческих потенций человеческого сознания, которая осуществляется на самом обширном первично-бытийном, коммуникационном и семиотическом пространстве, включающем как рациональное исследование феноменов бытия, так и конструирование новых смыслов, позволяющих взглянуть на мир «с иной стороны». Тем не менее эта «иная сторона» должна находиться в рамках философского рефлексивного смыслового пространства, а не выступать имитацией философского мышления.

Думаю, что нам, конечно, не следует лить «крокодиловы слезы» по поводу очередной гибели культуры. Она «гибнет» приблизительно каждые 100 лет. Надо

искать новые смыслы в понимании культуры, которая не стоит на месте. Задуматься о возможности управления глобальными процессами развития и их возможными следствиями. Необходимо понимать, что культура — это развивающаяся система, а значит, в ней будут происходить изменения и темп этих изменений будет все время увеличиваться. Поэтому наша задача, а может быть, и основная задача философии сегодня — это выполнение функции предупреждения. Предупреждения о тех тенденциях, которые сопровождают развитие научно-технического прогресса и которые несут не только положительные, но и отрицательные последствия для человека и общества в целом.